

Л.А. Капитанова

«Учитель словесности»

Ошибка, совершенная героем рассказа Никитиным оборачивается трагедией. Томимый любовью, страстно мечтавший жениться на Манюсе Шелестовой и наконец дождавшийся тихого семейного счастья, он вдруг неожиданно осознает его иллюзорность и крушение всей своей жизни. «Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!» — последняя фраза рассказа, которая подвела черту под любовью учителя словесности.

«Крах любви Никитина вырастает как могильный курган из тысячи и тысячи мелких камешков. Можно сказать, что суть этого краха — в подробностях». С помощью подробностей Чехов в «Учителе словесности» выстраивает скрытый сквозной диалог — *диалог любви и быта, поэзии и прозы*.

В рассказе все пронизано состоянием влюбленности. Мир в глазах влюбленного учителя превращается «во что-то очень хорошее и ласковое», и даже конь, на котором он отправляется с Манюсей в загородную прогулку, казалось, «едет по воздуху и хочет вскарабкаться на багровое небо». Никитин видит, как «мягки... облака», как «кротки и уютны тени тополей и акаций»; он дышит запахом сирени и мечтает о девушке, едущей на белом гордом Великане рядом с ним: «Даю себе честное слово, клянусь Богом, что не буду робеть и сегодня же объяснюсь с ней...»

Феерическими представляются учителю минуты счастливого объяснения с Манюсей и то время, когда они оба, взволнованные сказанным друг другу, побежали в ночной сад. «Никитин и Манюся молча бегали по аллеям, смеялись... а над садом светил полумесяц и на земле из темной травы, слабо освещенной этим полумесяцем, тянулись сонные тюльпаны и ирисы, точно прося, чтобы и с ними объяснились в любви». Вернувшись от Шелестовых, «утомленный своим счастьем», он тотчас же уснул «и улыбался до самого утра».

Соединившись с Манюсей, Никитин продолжал мечтать, закрывал глаза и мечтал. И в этих мечтах по-прежнему все было «похоже на сказку».

Но пока Никитин грезил, его домашняя фея Манюся трудилась не покладая рук: она *«устраивала гнездо»*.

Так счастливый муж неожиданно обнаружил, что Манюся «завела от трех коров настоящее молочное хозяйство!» И как следствие этого, «в погребе и на погребице» появилось «много кувшинов с молоком и горшочков со сметаной», тщательно сберегаемых хозяйкой для масла.

В домашних делах Манюси был полный порядок. К тому же она оказалась удивительно бережливой, к примеру, «найдя в шкапу заваливший, твердый, как камень, кусочек колбасы или сыру», тут же «говорила с важностью»: «Это съедят в кухне». И Никитин, соглашаясь, «в восторге обнимал ее».

Казалось бы, ничто не предвещало перемен в мирно текущей семейной идиллии, среди котов и собак, кувшинов и горшочков, домовитости и рачительности. Если бы не мысли о том, другом мире, в котором можно «работать... говорить с кафедры, сочинять, печатать, шуметь, утомляться, страдать», забыть самого себя и свое личное счастье... И Никитину «страстно, до тоски вдруг захотелось в этот другой мир».

«Правда, эти новые мысли пугали Никитина, он отказывался от них, называл их глупыми и верил, что все это от нервов». Но «другой мир» уже жил в нем, звал учителя вернуться в прежние места, где он, возможно, сам того не сознавая, только и был по-настоящему счастлив — снова студентом, в дешевые номера на Неглинной, без денег, без родных, но с надеждами на прекрасное будущее.

Подобно оброненной Манюсей на пол синей материи обронил учитель словесности мечту о том, другом, синем мире...

В рассказе Чехова ничего нет случайного. Каждая подробность, будь то реплика персонажа, вещь, жест... — все функционально значимо. Так, в то же самое время, когда Никитина мучит вопрос о смысле жизни, Манюсю, переевшую мармелада, томит жажда. Свернувшийся клубочком белый кот в постели жены вдруг напоминает учителю его самого, спокойно и сладко живущего семейным счастьем. Когда-то «утомленный своим счастьем», он мирно засыпал с улыбкой на лице. Теперь же эта утомленность не дает ему не только спать — жить.

Случайно зажатый «в углу между шкапом и стеной» во время любовного признания Манюсе, учитель словесности и в жизни оказывается загнанным в угол, в тупик, из которого кроме бегства не видит выхода, иначе сойдет с ума. Знаменательно, что он идет на вокзал и видит уходящий поезд, но остается на перроне, чтобы потом вернуться домой.

А дома в соседней комнате пили кофе и говорили о знакомых. Он же, стараясь не слушать доносившегося разговора, начал писать в дневнике: «Где я, боже мой?!» И сам ответил на свой вопрос: «Меня окружает пошлость и пошлость». Иллюзий не существовало. Осталось научиться жить в чужом для тебя мире. Этот вывод станет сквозным в позднем чеховском творчестве.